

Г.А. ФИЛАТОВ

ДОКТРИНА “ИСПАНИДАД” И ЕЕ РОЛЬ В ОТНОШЕНИЯХ ФРАНКИСТСКОЙ ИСПАНИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1940-х годах

Представление о неразделимости судеб Испании и стран Латинской Америки легло в основу концепции “испанидад”. Эта доктрина провозглашает общность иберо-американских стран, созданную единством истории, языка и религии. Стержневое значение при этом имеют испанский язык и католическая вера: именно они определяют понятие “раса”. Этот термин, не связанный с вопросом чистоты крови, трактует Испанию как родину нескольких десятков новых наций, появившихся на свет в XIX в. в рамках испанской культуры. Отсюда исходит идея мессианской роли Испании.

Доктрина “испанидад” была сформулирована в конце 1920 – начале 1930-х годов. Ее провозвестником часто называли испанского мыслителя Доносо Кортеса, хотя он был далек от идеи испанизма и испаноязычной общности¹. Истинным ее автором считается философ Рамиро де Маэсту. В 1931 г. он опубликовал статью “Испанидад”, а еще через три года в свет вышла его книга “Защита испанидад”, где получили развитие основные тезисы статьи. Само слово “испанидад” Маэсту услышал от испанского священника Закариаса де Вискаarra, жившего в то время в Аргентине.

В лексиконе Маэсту “Отечество”, “Испания” и “испанидад” стали синонимами. Философ выделил два периода, которые пережил дух “испанидад”: наивысший расцвет, начавшийся с открытия Колумбом Америки, и кризис, последовавший за отделением латиноамериканских стран. Большое внимание в трудах Маэсту уделено “национальной идее”, или “цели”. С его точки зрения, “цель” заключается в защите и утверждении испанской сущности (“испанидад”), что подразумевало, по мысли Маэсту, в первую очередь защиту “церкви, нации и государства”. Все эти идеи были очень популярны среди духовных лиц Пиренейского полуострова. Важнейшее значение имела поддержка примаса Испании архиепископа Гома, который в 1934 г. в Буэнос-Айресе выступил с речью “Апология испанидад”.

Особое место в доктрине отводилось понятию “раса”, однако следует подчеркнуть, что оно не имело того узкого смысла, который ему придали немецкие нацисты. Сам Маэсту писал, что такое понимание для “испанидад” невозможно, так как в испанской общности есть представители разных рас.

С приходом к власти франкистов доктрина “испанидад” заняла важное место в идеологическом комплексе нового государства и постоянно фигурировала в речах руководителей страны, на страницах газет и в выпусках новостей. Эта концепция выполняла две важные функции. Во-первых, во внутренней политике она легитимизовала новый общественно-политический строй, связывая его с периодом расцвета испанской империи. Во-вторых, она определяла внешнеполитический курс Испании и позволяла предложить странам родственной культуры своеобразный третий путь, не основанный на либеральных или коммунистических принципах.

Филатов Георгий Андреевич – аспирант Института всеобщей истории РАН.

¹ Подробнее см. *Пономарева Л.В.* Испанский католицизм XX в. М., 1989, с. 16–17.

За годы правления Франсиско Франко эта концепция несколько видоизменялась в соответствии с международной обстановкой, однако суть ее оставалась прежней. Доктрина “испанидад” обосновывала ориентацию испанской внешней политики на развитие особых отношений прежде всего со странами родственной культуры, а не с “чуждыми” Западной Европой и США. Такая трактовка получила особое распространение в официальных выступлениях 1940-х – начала 1950-х годов.

Первый период активного присутствия доктрины “испанидад” во внешней политике Испании можно охарактеризовать словом “имперский”. В это время идеологи постоянно обращались к общему, имперскому, прошлому иберо-американских стран в рамках единого государства, а также постоянно подчеркивали роль Испании как покровительницы стран Нового Света. Приблизительно до середины 1940-х годов основным лейтмотивом доктрины “испанидад” была мысль о необходимости “духовной реконкисты” латиноамериканского континента, что по сути означало духовную гегемонию Испании над своими бывшими колониями. Однако в определенные периоды имперская риторика получала разное звучание в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры.

Так, во времена гражданской войны внешняя политика Франко была направлена на поиск поддержки и признания в странах Латинской Америки. В связи с этим имперская направленность доктрины “испанидад” в официальных выступлениях смягчалась, подчеркивалось, что “испанидад” – это историческая категория, далекая от всех тенденций к территориальному доминированию и культурному навязыванию. В интервью 18 января 1937 г. британской газете “Дейли мейл” Франко заявил, что “Новая Испания стремится быть империей”, уточнив, что имеется в виду империя духа. Он отметил, что “Новое Государство... будет способно создать связи на основе культуры и общих интересов со всеми странами, происходящими от Испании XVI в., чтобы направить наши усилия к мировому прогрессу”².

После окончания гражданской войны (приблизительно до 1943 г.) на доктрину “испанидад” повлияло усиление стран гитлеровской коалиции, чьи успехи воспринимались как продолжение борьбы, начатой в 1936 г. Хотя Мадрид заявил о своем нейтралитете, симпатии его оставались на стороне стран “оси”. Этому активно способствовал в том числе и министр иностранных дел Р. Серрано Суньер, известный своими германофильскими взглядами. При нем испанизм проявлял себя агрессивно, прогермански и антиамерикански. В одной из статей Франко уже заявляет, что “Испания нуждается в своей империи”. Теперь он упрекает тех, кто говорит только об “испанской империи духа”, и подчеркивает, что его страна “не собирается жить только памятью о героическом прошлом”³.

На страницах различных научных изданий интеллектуалы развивали идею о необходимости активной внешней политики по отношению к латиноамериканским странам. В первом номере “Журнала политических исследований”, печатном органе Института политических исследований – одного из важнейших франкистских центров, отвечавших за идеологию – его глава А.Г. Вальдекасас в статье “Внешняя политика” пишет, что Испании необходимо вернуть свою роль и место в истории⁴. В этом же номере опубликована статья немецкого теоретика фашизма К. Шмидта “Концепция империи в международном праве”. В ней автор понимает под “империей” державу, которая может проецировать свою политическую идею на определенную территорию, что позволяет исключить вмешательство чужеродных сил во внутренние дела. Он различает понятие “империя”, которое имеет универсалистское, наднациональное, значение, и понятие “рейх”, основанное исключительно на национальном принципе. Первый термин, согласно Шмидту, в конечном счете превратился в конце XIX в. в “империализм”, под

² Цит. по: *Calleja E.G. La Hispanidad Como Instrumento de Combate: Raza E Imperio En La Prensa Franquista Durante la Guerra Civil Española. Madrid, 1988, p. 59.*

³ *Ibid.*, p. 61.

⁴ *Valdecasas A.G. Política exterior. – Revista de Estudios Políticos, 1941, № 1, p. 7–16.*

которым стали подразумевать исключительно “экономически-капиталистические методы колонизации и экспансии”⁵.

Вслед за немецким теоретиком идеологи франкистской “испанидад” противопоставляли “империю” и “империализм”. Империализм ими отвергался за “меркантильный эгоизм, который во многом связывался с протестантской этикой, ищущей успеха и Божьей славы в материальном”. А католицизм, утверждали они, “ищет этого в самопожертвовании и самоотречении”⁶. Таким образом, за развенчанием империализма стоит разоблачение англо-саксонского (протестантского) влияния на страны Латинской Америки.

На международной арене доктрина “испанидад” должна была привлекать сторонников националистических идей в первую очередь в Испаноамерике. Тем самым она была призвана усилить международную позицию режима и создать базу для возможной сферы влияния. В этом отношении характерна статья “Жизненное пространство Испании”, появившаяся в газете “ABC” в 1942 г.⁷ Автор, используя понятия из арсенала национал-социализма, задается вопросом о законной сфере влияния Испании. Здесь он намекает на Латинскую Америку, хотя прямого ответа не дает и, должно отметить, значительно смягчает имперскую риторику.

Испанский исследователь Селестино дель Ареналь отмечает, что отношения Мадрида с государствами Нового Света в этот период развиваются в русле политики стран “оси” в этом регионе⁸. Нередко испанские газеты начала 1940-х годов вторят немецким дипломатам, обвиняя США или Британию в стремлении к гегемонии в Латинской Америке и в мире⁹. В то же время стоит отметить, что стремление, хоть и утопическое, заменить США в той роли, которую они играли среди испаноязычных стран, имели и правительства Второй республики, однако они строили свою внешнюю политику без тенденции к доминированию¹⁰. Необходимо также подчеркнуть, что следование в фарватере внешней политики Германии в Латинской Америке не означает, что Испания получала указания из Берлина на этот счет. Современники отмечали, что антиамериканские, антибританские и антисоветские взгляды Мадрида могли иметь как германское происхождение, так и сугубо испанские корни¹¹, обусловленные историей отношений с этими странами.

В Латинской Америке особой популярностью концепция “испанидад” пользовалась у консервативно-католических кругов, которые с подозрением относились как к усилению американского влияния в регионе, так и к распространению революционных, коммунистических идей. В “испанидад” виделась возможность сохранить статус-кво. Эта доктрина была воспринята как альтернатива двум идеологиям, которые начали развиваться в регионе в XX в. Во-первых, панамериканизму, активно поддерживаемому США, во-вторых, начавшему набирать силы индихенизму, взятому на вооружение некоторыми социалистическими движениями Латинской Америки.

Характерный пример использования “испанидад” против панамериканизма можно найти в Аргентине, где существовали “Курсы католической культуры”, основанные в начале 1920-х годов Закариасом де Вискарра (из речей которого Маэсту почерпнул само слово “испанидад”). К началу 1940-х годов вокруг этого кружка сформировалась группа консервативно настроенных интеллектуалов. Интерес к “испанидад” у них соседствовал с противостоянием либерализму, демократии, масонству, британскому и американскому

⁵ *Scmitt C.* El concepto de imperio en el derecho internacional. – Ibid., p. 85.

⁶ *Casariago J.E.* Grandeza y proyección del mundo hispánico. Madrid, 1941, p. 108.

⁷ *Borras T.* El espacio vital de España. – ABC, Madrid, 5.VIII.1942.

⁸ *Arenal C.* Del. Política Exterior de España y Relaciones con América Latina. Madrid, 2011, p. 37.

⁹ ABC, 19.V.1942, p. 8.

¹⁰ *Tabanera García N.* Ilusiones y desencuentros: la acción diplomática republicana en Hispanoamérica (1931–1939). Madrid, 1996, p. 139–140.

¹¹ *Bristol W.B.* Hispanidad in South America. – Foreign Affairs, v. 21, 1943, № 2, p. 316.

империализму, который объединил эти элементы. Доктрина пользовалась поддержкой и у аргентинского руководства. Особенно ярко это проявилось с назначением на пост министра иностранных дел Энрике Руиса Гиньясу. В своих речах 1943 г. он утверждал, что следует культивировать определенные испанистские традиции в качестве уз между иберо-американскими нациями¹².

Несколько иная ситуация сложилась в Перу. В этой стране доктрина использовалась в первую очередь как противовес левым и индихенистским силам. Последние превозносили доколумбовое индейское прошлое и осуждали испанскую колониальную политику, стремясь обосновать усилия, направленные на улучшение политического и социального положения индейцев в Перу. В то же время их оппоненты, принадлежащие в основном к белой аристократии, изо всех сил подчеркивали значимость колониального прошлого, чтобы доказать необходимость сохранения своего доминирующего положения. Эта концепция пользовалась поддержкой в основном в довольно узких кругах, которые, однако, часто имели большое влияние на политику латиноамериканских стран.

Косвенным образом об усилении влияния Испании в Латинской Америке свидетельствует ряд публикаций в авторитетных американских изданиях “Тайм” и “Форин афферс”, посвященных роли этой доктрины в современной им Латинской Америке. И хотя в этих статьях авторы приходят к выводу, что из-за международной ситуации популярность “испанидад” в официальных кругах сейчас находится на низком уровне, сам факт появления статей говорит о том, что внешняя политика Мадрида в предыдущий период оказалась достаточно активной, чтобы привлечь к себе внимание.

Роль главного проводника этой доктрины отводилась Совету испанидад (Consejo de la Hispanidad), учрежденному 7 ноября 1940 г. внутри министерства иностранных дел. Сerrano Суньер отмечал, что уже во время гражданской войны у нового режима были “пропагандисты” в Новом Свете¹³. 23 апреля 1938 г. в рамках министерства иностранных дел была создана Хунта по отношениям в сфере культуры (Junta de Relaciones Culturales). Цели этого органа были менее амбициозны: поиск сторонников среди зарубежных элит, организация культурных центров националистической ориентации за границей, интеллектуальные контакты с другими странами (приоритет отдавался фашистским государствам), а также пропаганда и контрпропаганда за рубежом.

После победы в гражданской войне по предложению М. Алкона, фалангиста и сподвижника Сerrano Суньера, было решено создать организацию с более широким кругом задач, нежели просто распространение испанской культуры и идей “испанидад”. Название этому институту дал, вероятнее всего, известный историк и филолог М. Пидаль¹⁴. Новый орган задумывался, скорее, как политический инструмент имперского характера. Об этом говорит хотя бы то, что в учредительном декрете он сопоставляется с Советом Индий¹⁵, который управлял испанскими колониями с начала XVI в. В преамбуле документа говорится, что с момента разъединения испаноязычные народы живут без идеала, но могут его обрести в концепции “испанидад” с ее “абсолютными и спасительными идеями”¹⁶. Поддерживать и распространять их должна была именно Испания при помощи Совета испанидад. Его работа началась с первых дней января 1941 г., когда был определен состав. Согласно поставленной перед советом задачи “изучить и проанализировать общие духовные и материальные потребности Народов нашего происхождения... он должен собрать выдающихся представителей испанского мира в интеллектуальной сфере, политических, финансовых и торговых отношениях”¹⁷. Политическое направление было представлено министром иностранных дел, заместителем министра по вопросам культурных отношений и главой отдела Фаланги по между-

¹² Ibid., p. 318.

¹³ Sana H. El Franquismo Sin Mitos: Conversaciones con Serrano. Barcelona, 1981, p. 105–106.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Boletín Oficial del Estado, 7.XI.1940, p. 7649.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Boletín Oficial del Estado, 8.I.1941, p. 159.

народным связям. Кроме того, в состав совета вошли послы Испании в Аргентине, Чили, Мексике, Перу и на Кубе, а также консул Испании на Филиппинах. Сфера культуры была представлена как различными партийными и государственными функционерами, отвечающими за эти вопросы, так и рядом интеллектуалов, в частности Педро Лаином Энтралго, Рамоном Менендесом Пидаль, выдающимся испанским философом Хосе Ортега-и-Гассет, находящимся в это время в эмиграции¹⁸. Также планировалось включить в состав совета представителей латиноамериканских наций, чтобы придать этому органу вид наднационального института. Эти представители должны были образовать специальный отдел, который бы регулярно собирался в различных городах Нового Света¹⁹.

Важное место в работе совета отводилось вопросам, связанным с развитием экономических и торговых отношений. Поэтому в его состав вошли заместитель министра торговли, генеральный секретарь морского министерства, генеральный директор торговых сообщений; отдельным декретом в состав совета был включен представитель от Банка Испании²⁰. Укрепление экономического сотрудничества Испании со странами Латинской Америки должно было способствовать распространению доктрины “испанидад”. Характерно, что эти меры рассматривались и как возможность защитить испаноамериканские страны от вмешательства США. Альберто Каванне, один из идеологов франкистского варианта “испанидад”, в работе “Новый иберизм” обосновывает необходимость создания “Испаноамериканского таможенного союза”. Он подчеркивает, что только совместными усилиями страны Латинской Америки и Испания могут противостоять экономическому диктату США²¹.

Однако наиболее энергичные действия были направлены все же на сферу культуры и идеологической пропаганды. В различных столицах стран Нового Света создавались культурные и интеллектуальные центры, активно распространявшие ценности “испанидад”: “Испанский дом” (Casa de España) в Буэнос-Айресе, “Испанский очаг” (Hogar Español) в Сан-Паулу, “Круг испанского действия” (Círculo de Acción Española) в Сантьяго. Интересно, что самому термину “испанидад” придавалось большое значение, и поэтому приказом от 17 мая 1941 г. было запрещено его использование в коммерческих целях – в названиях товаров и услуг²².

В политическом отношении совету отводилась роль моста, который должен был соединить новую, фашистскую, Европу с Америкой через франкистскую Испанию²³. Примечательно, что образ моста между Старым и Новым (испаноязычным) Светом будет оставаться в арсенале испанской внешней политики многие годы. Так, выступая в День расы в 1950 г., Франко подчеркивал, что “Испания – этот мост, протянувшийся между Европой и Америкой, точка совпадения двух миров, с момента открытия исполняет великую миссию по передаче истинных духовных ценностей, которые и определяют нашу цивилизацию”²⁴.

1943 год стал для войны переломным: инициатива окончательно перешла к союзникам. В связи с этим франкистский режим предпринял ряд шагов, призванных подчеркнуть его нейтралитет. К этому времени амбициозного Серрано Суньера на посту министра иностранных дел сменил граф Гомес Хордана, с менее германофильскими взглядами, и испанская внешняя политика постепенно начала меняться.

¹⁸ По всей видимости, его включение в состав членов Совета испанидад носило характер приглашения к возвращению во франкистскую Испанию.

¹⁹ *Bristol W.B.* Op. cit., p. 315.

²⁰ *Boletín Oficial del Estado*, 10.VIII.1941, p. 6083.

²¹ *Cavanna E.A.* Nuevo Iberismo. Notas Sobre Política Geográfica. Madrid, 1941, p. 73.

²² *Boletín Oficial del Estado*, 18.V.1941, p. 3552.

²³ *Arenal C.D.* Política Exterior de España y Relaciones Con América Latina. Madrid, 2011, p. 38.

²⁴ *Franco F.* Textos de Doctrina Política. Escritos y palabras de 1945 a 1950. Madrid, 1951, p. 712.

Основные усилия франкистских дипломатов были направлены на сохранение режима после победы союзников. Хотя смены режима удалось избежать, близость с Германией все равно не прошла бесследно: Испания, как формальный союзник “оси”, оказалась в международной изоляции сразу после окончания войны. Теперь Мадриду предстояло искать выход из нее и выстраивать внешнюю политику в зависимости от новой международной ситуации. Режим стремился изобразить себя защитником христианской цивилизации от коммунистических идей, для чего прекрасно подходила доктрина “испанидад”, выстроенная вокруг религиозной общности иберо-американских стран. Но несмотря на старания франкистского руководства посредством различных “косметических обновлений” представить режим менее диктаторским – создание Испанских кортесов в 1942 г., введение Хартии испанцев и принятие закона о национальном референдуме в 1945 г. – до начала 1950-х годов страна оставалась за бортом ведущих международных организаций.

Чтобы компенсировать почти нулевое присутствие франкистской Испании в европейских и глобальных организациях, режим уделял особое внимание Латинской Америке. Новый глава внешнеполитического ведомства Мартин Артахо, которому предстояло искать выход из международной изоляции, стал первым испанским министром иностранных дел, посетившим с официальным визитом Латиноамериканский континент.

К этому времени доктрина “испанидад” становится более совместимой с планами победителей во Второй мировой войне. В первую очередь это касалось Соединенных Штатов, против влияния которых эта доктрина активно использовалась в начале 1940-х. Теперь критика “гегемонистских устремлений” Вашингтона уходит в прошлое, подчеркивается совместимость идей испанизма и панамериканизма. Если в первый период Второй мировой войны Испания претендовала на доминирующее положение (прежде всего в культурном и идеологическом плане) на латиноамериканском континенте, то после окончания войны при помощи “испанидад” франкизм старался, как и во времена гражданской войны, найти поддержку среди иберо-американских стран. Заручившись ею, режим стремился приобрести в глазах международного сообщества большую легитимность, которая была подорвана началом международной изоляции и отзывом послов.

К концу 1940-х годов оформляется новая официальная формула “испанидад”. Американский политолог 1960-х А. Уайтекер называл обновленную концепцию, “очищенную от гегемонистских, пронацистских” стремлений, “неоиспанидад”²⁵. С середины 1940-х годов издаются книги, предлагающие новые взгляды на концепцию, например “Новое видение испанидад” Р.Х. Серрано. Автор сохраняет суть доктрины, однако наделяет ее новыми штрихами, которые, по его мнению, говорят о том, что концепция совместима с ценностями западных стран-победителей, подчеркивая, что на Пиренейском полуострове эти ценности имеют особую специфику: “Свобода и демократия претерпели в мире серьезные перемены, которые во многих случаях полностью изменили их первоначальное значение... однако Испания понимает их в изначальной чистоте”²⁶. По мысли Серрано, основная задача Испании среди народов, составляющих “вселенский испанидад”, заключается в спасении мира при помощи ортодоксального католицизма. Но для начала сама “Испания должна завершить свою полную Реиспанизацию”²⁷. В то же время для Серрано очевидно, что в той форме, в которой дух “испанидад” существовал до отпадения испанских колоний, он больше никогда не возродится. Поэтому для реинтеграции “Большой Испанской Семьи” не нужно возвращаться к тем формам политической организации, что существовали в XVI–XVIII вв. Автор, как и Маэсту, всячески отрешивается от расистской подоплеку доктрины “испанидад”, отмечая раз-

²⁵ Whitaker A.P. Spain and the Defense of the West. Ally and Liability. New York, 1961, p. 342–343.

²⁶ Serrano R.G. Nuevo Visión de la Hispanidad. Madrid, 1947, p. 24.

²⁷ Ibid., p. 203.

нообразии народов, составляющих ее пространство, поэтому не может быть и речи о применении нацистских критериев к пониманию “расы”²⁸.

Однако следует подчеркнуть, что эти перемены не приводят ни к изменению сути доктрины, ни к ее исчезновению из официального лексикона. Меняются тон и акценты, уходят агрессивность и высокомерие. Такие понятия, как “раса”, “империя”, уступают место более нейтральным “братство”, “сообщество”. Смягчается, но не исчезает полностью идея Испании как родины и покровительницы всех испаноязычных наций. Испания продолжает приписывать себе роль духовного моста между Испаноамерикой и Европой. К началу 1950-х годов внутри МИД Испании появляется идея Испанского сообщества наций (*Comunidad Hispánica de Naciones*), активным сторонником которой являлся министр иностранных дел М. Артахо. Эта организация должна была искать пути прежде всего экономической и политической интеграции между иберо-американскими странами и преодолевать культууроориентированный характер политики Испании по отношению к странам Латинской Америки. Таким образом франкистский режим пытался отстоять свою роль в системе международных отношений. Одним из практических шагов в этом направлении стали поправки в гражданский кодекс, внесенные в июле 1954 г.: они предоставляли особый статус выходцам из стран испано-американского сообщества. Теперь 22 статья гражданского кодекса позволяла гражданам Филиппин или других “иберо-американских государств” получать испанское гражданство, не теряя первого²⁹. Однако ко времени принятия этого закона необходимость развития особых отношений со странами Латинской Америки заметно уменьшилась, так как политика страны стала ориентироваться на США и Западную Европу.

Новые веяния требовали перемен в институциональном плане. Созданный в период тесной связи Мадрида со странами “оси” и уже в своем названии отсылавший к имперскому прошлому Испании Совет испанидад заменили Институтом испанской культуры. Институт, в отличие от своего предшественника, больше не должен был решать политические или экономические задачи, ему следовало лишь “поддерживать духовные связи между всеми народами, которые составляют культурное сообщество испанидад”³⁰. Из-за того, что многие страны Латинской Америки бойкотировали франкистский режим, Испания прибегла к политике культурной дипломатии как к средству, способному отчасти изменить общественное мнение. Вот что по этому поводу писал испанский посол в Аргентине М. Артахо в одной из своих депеш: “Эта пропаганда... единственная, которую в наши дни можно осуществлять с полной силой, не вызывая при этом подозрения и нервозности... Распространение испанских научных книг, журналов технического характера, поездки в Испанию стажеров и профессионалов, конференции, обмены студентами и преподавателями, финансовая поддержка гастролей театральных трупп, художественные выставки и другие мероприятия... в сфере культуры могут многое сделать в этом направлении”³¹. Такая форма внешней политики получила широкую поддержку в испанском МИД. Так, среди наиболее примечательных достижений Института испанской культуры была широкая программа по обучению латиноамериканских студентов в испанских университетах, а также создание Института испанской культуры Америки (*Instituto de Cultura Hispánica de América*).

XIX конгресс международной организации католических студентов “*Rex Romana*”, проходивший в Испании в 1946 г., по мнению историка Л.Г. Гомес-Эскалонилья, стал удобной платформой для пропаганды идей “испанидад”. Однако в ходе этого мероприятия стало ясно, что для распространения идей “испанидад” больше подходят представители католического клира, а не фалангисты. Эта перемена легко вписывается в логику развития внешней политики франкистской Испании, так как после окончания

²⁸ *Ibid.*, p. 74.

²⁹ *Boletín Oficial del Estado*, 16.VII.1954, p. 4831–4834.

³⁰ *Boletín Oficial del Estado*, 25.IV.1947, p. 2426–2429.

³¹ Цит. по: *Gómez-Escalonilla L.D. Diplomacia franquista y política cultural hacia Iberoamérica (1939–1953)*. Madrid, 1988, p. 118.

Второй мировой войны именно представители католических кругов возглавили внешнюю политику страны на различных уровнях. Так, глава организации “*Rex Romana*” Р. Хименес за успешное проведение вышеупомянутого конгресса в 1946 г. был назначен директором Института испанской культуры.

Интересно, что именно этой организации и его филиалу (Чилийскому институту испанской культуры) некоторые исследователи отводят значительную роль в распространении идей и идеологии франкизма в Чили, которые затем вошли в арсенал военной диктатуры А. Пиночета³². Так, уже в “Декларации принципов правительства военной хунты Чили” марксистский вариант развития общества отвергается потому, что он противоречил “христианской и испанской традициям”³³.

Другой страной, где идея “испанидад” симпатизировало руководство государства, была Аргентина. Как отмечалось выше, еще до прихода к власти Перона испанизм уже имел широкое распространение во властных структурах. С установлением диктатуры эти идеи получили поддержку на самом высоком уровне. Еще во время войны было ясно, что интересы аргентинской экономической элиты более тесно связаны с союзниками, чем со странами “оси”. Германофильские настроения были присущи лишь отдельным экзальтированным представителям аргентинского национализма, а также влиятельной группе военных, к которой был близок и Перон. С падением режима Муссолини и окончательным переходом инициативы в войне к союзникам после Курской битвы стала очевидна бесперспективность профашистской ориентации. Однако по свидетельству Х.М. де Арейльса, в конце 1940-х он был испанским послом в Буэнос-Айресе, в политической атмосфере страны остался агрессивный национализм, направленный против доминирования США в Южной Америке, а также против влияния США в различных секторах экономики Аргентины. Как отмечал посол, “Перон всегда держал открытым вариант иберо-американского национализма как противовес США”³⁴.

Позиция США и “холодная война” способствовали преодолению Испанией международной изоляции. Поддержку ей оказывали и страны Латинской Америки. Самым верным сторонником Франко оказалась Аргентина, которая в трудный для Испании 1946 г. предоставила кредит в 350 млн песо для закупки продовольствия. В 1950 г. Генеральная ассамблея ООН при поддержке арабских и латиноамериканских стран открыла Испании двери в специализированные органы ООН и сняла рекомендацию на отзыв дипломатов.

Однако франкистскому режиму трудно было отказаться от покровительственного тона в отношении стран Латинской Америки. Так, в декрете от 27 декабря 1946 г. по случаю открытия в Институте испанской культуры кафедры Рамиро де Маэсту Испаноамерика определяется как “духовное сообщество народов, которые получили от Испании свое мышление и сущность”³⁵.

С середины 1950-х годов набиравший обороты глобальный процесс деколонизации смел остатки покровительственной риторики в отношении испаноамериканских стран. Конец 1950-х сместил внешнеполитические акценты на развитие экономической интеграции. Произойти технократизация связей со странами Латинской Америки, и теперь отношения выстраивались скорее в соответствии с экономической, нежели с политической выгодой.

Успех Европейского экономического сообщества, а также начало деятельности Центральноамериканского общего рынка (*Mercado Común Centroamericano*) заставили Артахо задуматься о необходимости оформить близкие отношения Испании и испаноамериканских стран юридически. В 1955 г. возник проект Ибероамериканского

³² См. *Hinojosa J.* La ideología franquista en la legitimación de la dictadura militar chilena. – *Revista Complutense de Historia de América*, 2008, № 34, p. 233–253.

³³ *Principios de la Junta de Gobierno Militar de Chile*. URL. – http://www.archivochile.com/Dictadura_militar/doc_jm_gob_pino8/DMdocjm0005.pdf

³⁴ *Areilza J.M. de.* *Memorias exteriores 1947–1964*. Barcelona, 1984, p. 36, 24.

³⁵ *Boletín Oficial del Estado*, 18.I.1947, p. 443.

платежного союза, который должен был стать преддверием оформления Испанского сообщества наций в подобие таможенного союза. По словам Мартина Артахо, нужно было воплотить в «юридическую, экономическую и социальную реальность священный идеологический ресурс “испанидад”»³⁶. Однако этому проекту не суждено было сбыться.

С укреплением технократов после реорганизации правительства в 1957 г. прагматизация внешнеполитических отношений, наметившаяся в середине 1950-х, проявляется с еще большей силой. К началу 1960-х годов Испания преодолевает основные последствия изоляции и вступает в международные организации (в 1955 г. в ООН, в 1961 в ОЭСР). Вместе с этим исчезает насущная необходимость в особых отношениях с Латинской Америкой. Доктрина “испанидад” продолжит занимать важное место в идеологии франкизма до конца режима, однако перестанет играть ту особую роль в отношениях с Новым Светом, которая ей отводилась в 1940–1950-е годы.

Таким образом, в первые 20 лет существования франкистского режима доктрина “испанидад” играла ключевую роль в выстраивании отношений Мадрида со странами Испанской Америки. Это определялось в первую очередь ограниченностью возможностей испанской внешней политики в связи с мировой войной и изоляцией. В эти годы доктрина “испанидад” претерпевала определенные изменения, подстраиваясь под внешнеполитические обстоятельства. Тем не менее на протяжении 1940–1950-х годов она была призвана объяснять, поддерживать и укреплять особые связи Испании со странами Латинской Америки.

³⁶ *Artajo M. Hacia la Comunidad Hispánica de Naciones. Discursos de Alberto Martín Artajo desde 1945 a 1955. Madrid, 1956, p. 135.*